

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ**

“РАВНЫЕ ПОМЫСЛЫ”: ИСТОРИИ О ДРУЖБЕ В ЯПОНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (ПО “СБОРНИКУ НАСТАВЛЕНИЙ В ДЕСЯТИ РАЗДЕЛАХ”)

© 2015

Н.Н. Трубникова

**Трубникова
Надежда
Николаевна** —
доктор философских
наук, зам. главного
редактора журнала
“Вопросы филосо-
фии”, ведущий
научный сотрудник
ШАГИ РАНХиГС.
Постоянный автор
журнала. E-mail:
trubnikovann@mail.ru

В японской классической словесности дружеские связи между людьми обсуждаются сравнительно редко. Знаменитых историй о дружбе гораздо меньше, чем, например, историй о любви, о семейной верности, о преданности господину или о вражде. Случаев, когда какие-то поступки герой совершал бы именно ради друга, очень немного.

Возможно, дело в том, что в японских повестях, сборниках рассказов, как и в исторических сочинениях, дневниках и других памятниках, очень трудно встретить равные отношения между людьми. Со времен становления японского государства в VII–VIII веках и до начала преобразований на западный лад в середине XIX века правильным обычно считалось такое устройство общественной жизни, где каждый точно знал бы свое место, а значит — в иерархии, охватывающей всех жителей страны, любые два человека четко соотносились как высший и низший; как показывает А.Н. Мещеряков “идеальная социальная ситуация состояла в принципиальном отсутствии равенства” [4, с. 74–75]. Получалось, что при любом общении люди уже так или иначе связаны отношениями соподчинения, и говорить о дополнительных дружеских связях было избыточным.

Вот лишь несколько примеров. Друзья блистательного принца Гэндзи — это, скорее, поклонники его многочисленных талантов и помощники в любовных приключениях. Лучший его друг, То-но Тюдзё, тоже восхищается принцем, но кроме того, много лет соперничает с ним: сначала — за любовь столичных дам, а потом за влияние при дворе. Четверка храбрецов, спутники благородного воина Минамото-но Райко, действуют вполне “один за всех и все за одного”, но определяется это общей присягой. По-дружески поддерживают друг друга танцовщицы Гио и Хотокэ — но этой дружбы не было бы, если бы их обеих сна-

чала не приблизил к себе, а потом не отверг могущественный злодей Тайра-но Киёмори.

В тех японских историях дружбы, которые стали особенно знамениты, можно проследить общую черту: это союзы между людьми, чье соподчинение неоднозначно. Пожалуй, самый знаменитый пример — главный герой “Повести из Исэ”, любимец женщин и друг мужчин, образец изящного кавалера; его принято отождествлять с поэтом IX века по имени Аривару-но Нарихира (см.: [1, с. 52–53, 100–104]). В тех немногих эпизодах повести, где герой показан в отношениях с друзьями, он — друг, который познается в беде, причем действует как младший, готовый временно взять на себя роль старшего. Когда он утешает пожилого друга, чья жена после многих лет брака постриглась в монахини, он признает за другом старшинство (сам герой просто по возрасту не имеет еще опыта столь долгого союза с женщиной), и в то же время выступает как признанный в столичном кругу арбитр во всем, что касается любви. Обращаясь со словами сочувствия к принцу Корэтаке, который потерпел поражение в интригах вокруг престола, удалился от двора и стал монахом, герой впервые позволяет себе говорить с принцем по-дружески — хотя и сам весьма знатен, и в ближний круг принца входит уже давно. Как отмечает Пол Шэлоу, сцены “Повести из Исэ” с принцем-монахом стали в культуре Японии моделью настоящей дружбы: “Когда человек более низкого положения видит другого, высокопоставленного, терпящим неудачу и провал, это порождает одну из самых пылких разновидностей дружеских чувств между мужчинами, основанных на осознании общей судьбы, которой оба не могут изменить” [16, с. 64]. При этом в повести важно, что герой не остается с принцем, а продолжает служить при дворе, а к принцу-монаху лишь навещается в гости, чтобы обменяться стихами. Похожий эпизод есть и в “Повести о Гэндзи”: То-но Тюдзё навещает принца Гэндзи в ссылке и ободряет его, но вскоре уезжает.

Еще один пример, пожалуй, больше прочих похож на западные истории дружбы. Минамото-но Ёсицунэ и незаконный монах Бэнкэй, в “Сказании о Ёсицунэ” — разумеется, друзья (см.: [7, с. 1984]). Их дружба, как бывает и в западных рыцарских историях, начинается с поединка — двойного, когда сначала они состязаются в воинском искусстве, а потом в умении читать буддийские книги. Ёсицунэ в отношениях с друзьями показан в пору, когда его разыскивают и он вынужден скитаться. Как знатный воин он остается господином для своих людей, и Бэнкэй ведет себя как один из бойцов его дружины, хотя ни по происхождению, ни по присяге делать это не обязан. Вместе с тем Бэнкэй старше по годам и несет монашеский сан, Ёсицунэ слушается его как учителя — в том числе порою и в воинских делах. При этом Ёсицунэ переодевается благочестивым странником лишь для маскировки, буддийские наставления Бэнкэя — и шуточные, и вполне серьезные — выслушивает, но на самом деле учиться у него не пытается. (И в этом Ёсицунэ отличается от бра-

та, первого сёгуна Минамото-но Ёритомо: у того есть учитель-монах, всячески чтимый, хотя по мнению многих этот монах не в своем уме.) Показателен и исход этой дружбы: Бэнкэй погибает в бою, сдерживая врагов, чтобы те не помешали Ёсицунэ совершить самоубийство, что считается более почетной смертью. Бэнкэй, несмотря на многочисленные грехи, возрождается в Чистой земле, в буддийском раю, а про Ёсицунэ рассказывают, что он, возможно, не умер, а бежал и совершил еще немало подвигов, только уже не в Японии, а на материке.

Правда, есть два вида японских источников, где тема дружбы значима как таковая; в обоих этих случаях воспроизводятся китайские образцы.

Во-первых, это конфуцианские наставления, где верность другу обсуждается в ряду качеств, отличающих человека от животного. Вот как сказано у Мэн-цзы (перевод В.С. Колоколова): “Путь, благодаря которому существуют люди, заключается в том, чтобы они досыта питались и тепло одевались. Но если они будут жить праздно без обучения, то приблизятся к диким животным и птицам... Премудрый правитель был озабочен этим. Он велел Се стать управителем всех обучающихся... и научить их людским взаимоотношениям. Вот когда и появились чувство родства между отцом и сыном, чувство долга между правителем и слугой, разница в положении мужа и жены, порядок подчинения между старшим и младшим, доверие между друзьями и приятелями” (глава “Тэнский Вэнь-гун”, часть 1) [6, с. 82–83].

“Дружество” (朋友, кит. пэн-ю, яп. хо:ю:), по Мэн-цзы, присуще людям изначально, дружить так же естественно, как заводить детей и заботиться о них. Однако правильно дружить, “быть искренним” и “доверять” (то и другое входит в понятие 信, кит. синь, яп. син) людей обучил мудрый правитель Шунь, один из праведных первых государей, причем назначил для этого особого наставника 司徒, кит. сы ту. С тех древних времен умение дружить остается чем-то таким, что человек должен в себе воспитывать, следуя урокам мудрецов. И прежде всего важно выбирать в друзья хороших людей, чтобы вместе с ними самому становиться лучше. В этом смысле дружба — союз неравный по определению: человек ищет в друге таких добродетелей, каких не имеет сам. И все-таки взаимное благое влияние возможно, то есть возможно и условное равенство, когда каждый видит в другом пример для подражания. В Японии один из первых памятников философской мысли — “Три учения указывают и направляют” (“Санго: сиики”, 797 г.) — посвящен как раз такому выбору подходящего окружения, см.: [3]. Здесь трое собеседников, конфуцианец, даос и буддист, в итоге соглашаются, что каждое из трех учений помогает найти друзей, полезных для разных целей, и потому нуждается в двух других. И в дальнейшем у японских конфуцианцев темы воспитания и дружбы часто обсуждаются вместе.

Н. Трубникова
Истории
о дружбе
в японской
словесности

Ёсицунэ и Бэнкэй.
Гравюра Утагава
Тоёкуни Первого
(1769–1825)

Во-вторых, это тексты, где дружба понимается как общение именно равное, отличное от семейных и должностных иерархических отношений. Такова дружба даосских отшельников, поэтов и прочих людей искусства, кто вышел из-под власти общепринятых правил, решил жить “естественно”, следуя собственным чувствам. Этому образцу могут следовать и те, кто на службе делает карьеру, дома подчиняется старшим в семье и за-

ботится о младших, но в частной жизни, на дружеской пирушке — хотя бы даже и в кругу сослуживцев и родичей — временно забывает о субординации. Такая дружба составляет одну из главных тем китайской поэзии, и в Японии сочинители “китайских стихов” (*канси*), начиная с VIII века, продолжают эту традицию. П. Шэлоу в книге о “поэтике придворной дружбы” показывает, что общая установка дружеских стихов японских поэтов — это преодоление: расстояний в случае разлуки, времени, когда дружат люди разных поколений, и даже смерти, коль скоро дружеские чувства не умирают и после кончины друга. И все же основным оказывается преодоление иерархических различий и связанной с ними борьбы за чины и должности. “Друг был редким союзником при дворе, в остальном полным соперником и возможными врагом. Дружба могла определяться союзом между семьями или личной приязнью, но в любом случае того, кто остается другом, идеализируют как сокровище всей жизни, в нем знатный человек может найти надежду на преодоление часто мрачных социально-политических реалий придворной жизни” [16, с. 36].

Хотя на первый взгляд два названных подхода противоположны — переделывать себя, равняясь на друга, или же быть самим собой в кругу друзей, — но и у китайских авторов, и у японских они нередко совмещаются. Как это происходит, мне хотелось бы рассмотреть на примере японского памятника середины XIII века — “Сборника наставлений в десяти разделах” (“*Дзиккинсё*”) (см.: [14]). Он содержит поучительные истории *эцува*, но, в отличие от многих других сочинений этого жанра (см.: [9]), здесь перед нами памятник не религиозной мысли, а светской. Темы его наставлений — доброта к людям, преданность господину, сдержанность в речах, умеренность в запросах; как опасно недооценивать окружающих, как важно развивать свои дарования и др. Порой этот сборник называют конфуцианским, однако немало в нем отсылок и к даосским книгам, и к буддийским, а преобладают цитаты из китайских и японских летописей, из собраний “китайских стихов” и “японских песен” (*вака*). В целом речь в этой книге идет о том, как счастливо жить среди людей, а не о том, например, как избежать ада или достигнуть Чистой земли.

О составителе сборника известно мало. Вероятно, это был воин на службе у первого японского воинского правительства (сегуната), но служил он не при ставке сёгуна в Камакуре, а в государевой столице в Киото, был хорошо знаком и с китайской, и с японской словесностью прежних столетий. В пору работы над сборником он, видимо, был уже немолод, принял монашество, но не переселился в храм, а вел жизнь “монаха в миру”. О себе он в сборнике почти ничего не говорит; если составитель более позднего “Собрания песка и камней” (“*Сясэ-кисю*”, конец XIII века) рассказывает поучительные случаи в том числе и из жизни своих друзей и знакомых, то здесь речь идет по большей части о старинных временах и о людях, так или иначе известных по другим книгам. Подобно японской поэтиче-

ской антологии, “Сборник наставлений” устроен так, что рассказы для него отбираются не по принципу наибольшей выразительности: важнее то, как они сложатся в целое. В этом целом чередуются истории, изложенные подробно или кратко, знакомые читателю или забытые, и какой смысл имеет каждая из них, определяется ее местом среди других.

Пятый раздел сборника озаглавлен: “Нужно выбирать друзей” (*Хо:ю:-о эрабубэки кото*). Введение к нему начинается так:

Говорят: человеку нужно стараться встретить хорошего друга.

Есть такое сравнение: когда среди конопли вырастает полынь, то сама собою выпрямляется. Хотя у самой полыни ветки не прямые, но если она растет среди конопли, то ей некуда изгибаться, и она невольно вытягивается, вырастает прямой. Даже если сердцем человек дурен, если он окружен прямыми людьми, он равняется на них и сам собою выправляется.

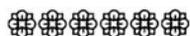
Поэтому книги учат, записи призывают: надо найти хороших друзей. В “Домашних наставлениях господина Яня” говорится: “Побывать вместе с хорошим человеком — все равно что побывать в покоях с орхидеями: надолго сам пропитаешься благоуханием; а встретиться с дурным человеком — все равно что посетить рыбную лавку: сам надолго провоняешь”.

А еще в одной записи сказано: “Помыслы человеческого сердца, подобно воде, следуют очертаниям сосуда. Если сосуд узкий, то и вода в нем узка. Если сосуд круглый, то и вода в нем кругла. Сердце следует за другом. Как же не выбирать друзей?”.

А в “Завещании господина Кудзе” сказано: “Не следуй за людьми шумными и буйными”.

Сравнение с полынью и коноплей взято из книги “Сюнь-цзы” (гл. 1, “Совет учиться”), конфуцианского текста, еще более влиятельного в Японии, чем “Мэн-цзы” (см.: [11]). “Домашние наставления господина Яня” (“*Яньши цзясюнь*”) принадлежат Янь Чжи-тую (531–591). Этот последователь Конфуция дает наставления детям по домашним обрядам, правилам поведения в обществе и др., предназначенные для трудных времен раздробленности Китая. Источник следующей цитаты мне неизвестен. “Завещание господина Кудзе” (“*Кудзе:-доно-но юйкай*”) — наставления детям, которые оставил японский сановник Фудзивара-но Моросукэ (908–960) [12, с. 104–108].

Итак, если есть с кем поговорить, с кем подружиться, то нужно среди этих людей хорошенько выбирать... Пусть даже ты с другом всего одну весну клялся под цветущими деревьями, всего одну ночь вместе любовался луной — если у человека есть чувства, ему трудно такое забыть, он всегда будет помнить.

Обычно слово “клятва”, *тигири*, обозначает любовную клятву между мужчиной и женщиной, причем не обязательно речь идет именно о словесных обещаниях, о заключении брачного союза: само вступление в любовную связь означает “клятву”. Здесь “клятвой”, видимо, тоже называется не обещание дружить, а совместное любование цветами как таковое.

Дальше составитель сборника приводит примеры дружбы:

Вообще, когда разговариваешь с другом, хорошо, если помыслы ваших сердец не расходятся врозь. Но никогда не надо сближаться с тем, чьи помыслы дурны. Четверо старцев поселились в благоуханной долине, семеро мудрецов скрылись в бамбуковой роще, — должно быть, именно так эти люди и думали, когда подружились.

Цзы-ю лунной ночью под снегопадом отправился проведать Ань-дао на реке Яньси. Лю Тань при свежем ветре под ясной луной горевал, что рядом нет Сюань Ду. Если бы не друзья, поистине близкие сердцу, пожалуй, самые веселые пиры были бы скучны.

“Четверо старцев” здесь — мудрецы-отшельники, которые не могли смириться с жестокостями правления государя Цинь Ши-хуана (III в. до н.э.), удалились от службы и поселились на горе Шан (их имена — Дун-юань-гун, Ци Ли-цзи, Лули-сяньшэн и Ся Хуангун). После падения недолговечной династии Цинь их пытались снова пригласить ко двору, но старцы отказались. В китайском и японском искусстве этих старцев часто изображают за четырьмя занятиями, подобающими для просвещенных друзей: игра на гусях, игра в шахматы (или в облавные шашки), каллиграфия и живопись. Тем же занимаются на картинах и “Семеро мудрецов из бамбуковой рощи” — поэты III в. н.э., которые укрылись в глуши от потрясений смутного времени и вели “чистые беседы” за вином, музыкой и сочинением стихов, не боясь прослыть безумцами (их имена — Жуань Цзи, Цзи Кан, Шань Дао, Сян Сю, Лю Лин, Ван Жун и Жуань Сянь). Ван Цзы-ю (ум. 388) и Дай Ань-дао (ум. 396) — двое знаменитых друзей-отшельников. По преданию, однажды зимней ночью Цзы-ю проснулся, принялся пить вино и читать стихи, а потом внезапно сел в лодку и отправился к Ань-дао, но едва добравшись, повернул обратно, так и не повидавшись с другом. Отсюда могут делаться разные выводы: или что человек, чувствующий прекрасное, следует своим побуждениям и больше ничему, или что дорога и ожидание встречи для Цзы-ю были важнее самой встречи. Лю Тань и Сюань Ду (IV в. н.э.) были приверженцами “чистых бесед”, последователями “семерых мудрецов”.

Все эти примеры относятся к вольной дружбе, но и выбор подходящей компании здесь тоже важен: если найти единомышленников, то можно проводить жизнь с ними вместе — или даже врозь, просто зная, что они есть, — и обходиться без других

Тоса Мишүёси
(1539–1613).
Принц Гэндзи
в ссылке

людей. Далее составитель сборника приводит другие примеры: как жалел лянский правитель Сяо, когда его покинули советники Цзоу Ян и Мэй Шэн (II в. до н.э.) и как Конфуций горевал о своем ученике Цзы Лу. Цитируя стихи вэйского государя Вэньди (он же Цао Пи, 187–226), составитель напоминает еще об одной хрестоматийной истории дружбы:

В старину Бо-я, когда умер Цзы-ци, обрезал струны гуслей,
Когда умер Цзы Лу, Чжун-ни [=Конфуций] отказался от соленого мяса.
Скорблю, как трудно встретить друга —
кто понимал бы по звону гуслей,
Печальюсь, что нет среди людей близкого человека.

Выражение “понимать по звону гуслей” 知音, *тион* в японской словесности служит одним из синонимов слова “дружить”. Оно восходит к древнекитайской книге “Ле-цзы” (глава 5, “Вопросы Испытующего”): у гусяра Бо-я был друг Чжун Цзы-ци, который, слушая игру Бо-я, всегда понимал, о чем тот думает и что чувствует [5, с. 70].

За введением следуют рассказы *сэцува*, всего их в этом разделе сборника восемнадцать. Первые два похожи на истории из буддийских собраний: умершие являются живым и сообщают о своей посмертной участи. Однако для составителя “Сборника наставлений” важны здесь не воздаяние за грехи и добрые дела, а чувства между людьми, что сохраняются и после смерти.

В рассказе 5–1 к японскому государю Уде (867–931), уже отрекшемуся и ставшему монахом, устами одной из придворных дам взывает дух недавно умершего Минамото-но Тоору (822–895). Этот сановник прославился в основном стихами и редкостными причудами: так, в своей столичной усадьбе за много верст от моря он велел воспроизвести участок морского побережья и устроить водоем с морской водой. Дух сообщает, что ему воздается теперь страданием; государь-монах распоряжается провести обряд поминовения по Тоору. По велению Уды и от его лица составляют запись об обряде, где говорится: “В прошлом Мы хранили Государеву печать и достигли высших почестей; ты же смешивал яства [= помогал в делах правления] и весьма преуспел. В былые времена согласие наше имело вес; чтобы избежать бедствий, в наши дни непременно нужно поступать так же”. Государь признает, что и после смерти своего сановника отвечает за него. В X веке государь-монах — это во многом “частное лицо” (в отличие от XI–XII веков, когда отрекшиеся государи руководили и обрядовыми, и мирскими делами). В записи подчеркнуто: я больше не правитель, ты больше не сановник. Тоору страдает из-за собственных злодеяний, а не от того, что его несправедливо обвинили при жизни и казнили, довели до самоубийства и пр., поэтому его упокоение тоже нельзя считать “государственным” делом (ср. ниже). Таким образом, “отклик” Уды на жалобы духа исходит, скорее, из личных чувств к Тоору, и его поступок выглядит именно дружеским. Впрочем, за такую дружбу государь-монах отвечает еще и перед окружающими, его забота — предотвращение бедствий, которые может наслать дух умершего.

В рассказе 5–2 другой государь, Мураками (926–967), после смерти является во сне одному из своих служилых людей, Минамото-но Нобумицу (927–976). Тот в скорби о государе “каждое утро и каждый вечер с любовью вспоминал о нем и до конца жизни не снимал траурных одежд”. Мураками во сне написал ему китайские стихи: даже теперь, возродившись на небесах близ будущего будды Мироку, я помню о тебе. Нобумицу отвечает стихами: радостно мне было еще раз встретиться с тобой и горько, что это был лишь сон; если же сон — моя теперешняя жизнь, то пусть я проснусь поскорее! К этому случаю составитель сборника вспоминает песню *вака* поэтессы Оно-но Комати (ок. 825–900):

В помраченье любви
Сквозь сон мне привиделся милый.
Если б знать я могла,
Что пришел он лишь в сновиденье, —
Никогда бы не просыпалась!

Песня приведена в переводе А.А. Долина. Она входит в “Собрание старых и новых песен” (“*Кокинсю*”, начало X века) под номером 552. Песня Комати звучит как почти точный перевод строк Нобумицу с китайского на японский. Но примечательно, что при таком переводе дружеское послание превращается в лю-

бовное. О том, что в японской словесности дружеские чувства часто выражаются на языке любовных песен, пишет и П. Шэлоу [16, с. 22–24, 80 ff]. В частности, он приводит пример из “Собрания китайских и японских стихотворений для пения” (“*Вакан ро:эйсю*.”, начало XI века), где в разделе “Дружба” помещено стихотворение, известное по многим другим собраниям как любовная песня (“Что за клятвы мы с тобой дали друг другу в прежних жизнях? Хотел бы я это знать!”). Другой пример исследователь берет из “Дневника эфемерной жизни” (“*Кагэро-никки*”, X век), где друг-начальник в шуточных посланиях изъясняет другу-подчиненному почти что любовное томление, когда тот позволяет себе прогуливать службу.

Ниже в “Сборнике наставлений” есть и другие примеры того, как трудно по-японски говорить именно о дружеских чувствах — и как для этого можно приспособить язык поэтов, певших о любви.

В рассказе 5–3 речь идет опять-таки о правителе и подданном, но на сей раз оба живы:

Когда государь-монах Госандзё жил еще в Восточных палатах, его учитель Санэмаса Асон должен был отбыть к месту новой службы. Жалея о расставании, государь в печали написал стихи:

Даже когда народ той земли
сложит тебе величание “Сладкая груша”,
Не забывай, как много лет
мы с тобой тешились ветром и луной!

Имел он в виду вот что. В “Песнях Мао” говорится: <...> нельзя рубить сладкую грушу, ведь под нею отдыхал правитель Шао!

И еще государь на прощанье сложил:

Коль будешь тосковать,
Ты на луну смотри,
Что светит нам обоим,
Свершая круг свой в небесах, —
Залог грядущей нашей встречи.

Будь один государем, а другой слугою, когда взаимное чувство глубоко и двое не мыслят разное, можно сказать: они — все равно что друзья.

Песня о луне приведена в переводе И.А. Борониной; эта песня входит в “Новое собрание старых и новых песен” (“*Синкокинсю*”, начало XIII века) под номером 877. Вероятно, весь рассказ восходит к предисловию, предваряющему эту песню в “*Синкокинсю*”. Случай, пересказанный здесь, относится к 1064 году, когда Госандзё (1034–1073) был еще принцем. Учителем его

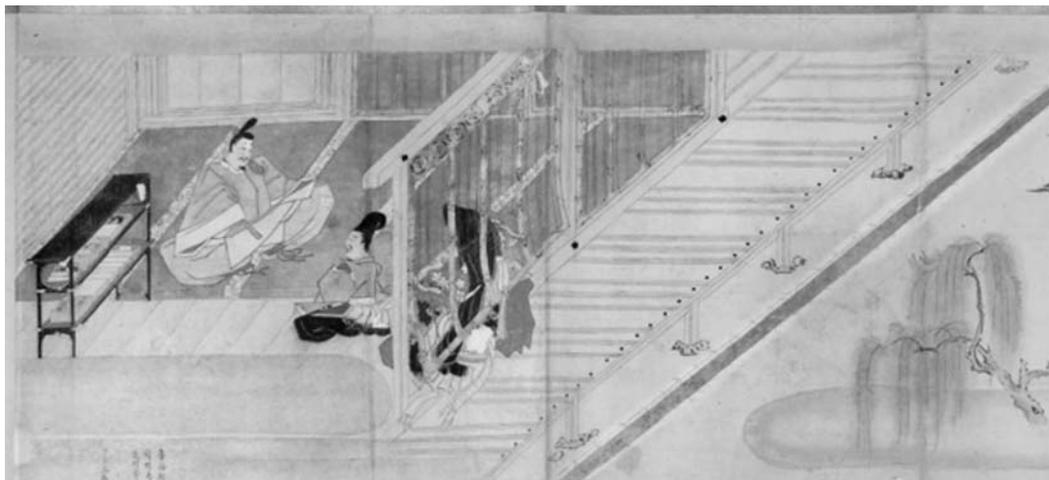

был Фудзивара-но Санэмаса (1019–1093), признанный знаток китайской словесности (*Асон* — наследственное величание мужчин семьи Фудзивара). Санэмаса должен был отбыть в провинцию Каи и занять там должность губернатора. Принц, прощаясь с ним, сочиняет стихи и по-китайски, и по-японски. В китайском стихотворении он отсылает к древней китайской “Книге песен” (Она же “Песни Мао”, называется так в честь Мао Чана, который, по преданию, спас это древнее собрание стихов от уничтожения при династии Цинь), а именно, к стихотворению I–II–5, в переводе А.А. Штукина — “Память о добром правителе”: *Пышноцветистая дикая груша растет; || Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей — || Шао правитель под ней отдыхал на траве...* [13, с. 32]. Смысл стихотворения принца — пожелание учителю руководить делами земли Каи так хорошо, чтобы в народе о нем слагали величальные песни, и все-таки не забывать ученика. “Тешились ветром и луной”, здесь — не просто любовались, но пировали и сочиняли стихи.

Рассказчик признает, что отношения между правителем и подданным слишком неравны, чтобы считаться дружескими. И все-таки, коль скоро правитель для подданного слагает дружеские стихи, этих двоих можно считать друзьями. Отметим, что подданный здесь — учитель, так что отношения старшинства неоднозначны.

В следующих двух рассказах появляется уже звучавший мотив: умерший сообщает живому, в каком из миров возродился. В обоих рассказах действуют знаменитые монахи. Гэнсин и Кёдзо (рассказ 5–4) жили на рубеже X–XI веков, принадлежали к одной школе Тэндай, но к разным ее храмам, Энрякудзи и Миидэра, и дружили несмотря на разногласия между двумя обителями. Однажды, готовясь к ночному обряду, Кёдзо чует в воздухе благоухание и слышит стихи: “Срок моей земной жизни кончен, я возвращаюсь в Чистую землю”. Наутро Кедзо посылает служку к Гэнсину и узнает, что тот скончался. Если с учетом этого перечитать стихи, то получается, что они сообщают: Гэнсин был не человеком, но милосердным бодхисаттвой, посланцем Чистой земли в мире людей (Гэнсину принадлежит “Собрание сведений о возрождении” (“*О:дзё:ё:сю*”, 985), важнейший текст амидаизма — учения о Чистой земле и ее владыке, будде Амиде). Таким образом, дружба монахов оказалась сильнее даже различий между мирами.

Почитателями Чистой земли были и другие двое монахов, Тико и Райко (рассказ 5–5) — по преданиям, они жили в VII–VIII веках. Почти во всех собраниях буддийских *эцува* есть рассказы о том, как Райко, умерший первым, сумел во сне не просто рассказать своему другу Тико о Чистой земле, но и показать ее, а тот, когда проснулся, изобразил увиденное на картине (такие картины рая, “мандалы Тико”, есть во многих японских храмах). Все это кратко пересказано и в “Сборнике наставлений”, но опять-таки как история о дружбе, а не о святости.

В рассказе 5–6 снова действуют не умершие, а живые: двое сановников, Фудзивара-но Тадатика (1131—1195) и Фудзивара-но Нарие́ри (1136—1202). Они застали смуты середины XII века, а потом войну между родами Тайра и Минамото; их обоих, особенно Нарие́ри, позже вспоминали как последних представителей блестящего придворного вежества.

Два человека, известных как старший сановник Накайма [=Тадатика] и государственный советник Нарие́ри, дали друг другу клятву, были верными друзьями по службе. И вот однажды у советника пробудились помыслы о Пути, он ушел в монахи и поселился в уединении на горе Коя. Старший сановник отправил толкового посланца из числа служащих при Большом совете — сообщить, как сожалеет о разлуке с другом, покинувшим здешний мир, и в точности зарисовать его новое жилище.

Затем у въезда в усадьбу Накайма, у подножия горы, старший сановник построил себе точно такую же хижину, сам принял монашество и поселился в ней. А советнику, вступившему на Путь, велел передать: пришли надежного гонца, я хочу тебе кое-что сообщить. Тот подумал: странно! — но гонца отправил. Гонiec прибыл на место, но старший сановник ничего ему не сказал, только пригласил: посмотри-ка! И все, вплоть до обшивки циновки и рисунка переборки, ничуть не отличалось от хижины советника.

Вернувшись, посланец рассказал это вступившему на Путь. Тот усмехнулся:

— Когда я поднимаюсь в горную долину, где возрождаются по высшему разряду высшего возрождения, и поселюсь там, нелегко будет повторить за мной!

Старший сановник, когда ему это пересказали, молвил:

— Я лишь хотел подать советнику весточку о себе. Впрочем, он и к служебным делам подходил так же серьезно...

“Хасэо-дзоси”
(середина XVIII в.).
Ки-но Хасэо, демон
и красавица

Здесь по чину и по годам старше Тاداتика, но Нарие́ри принимает монашество первым и отчасти служит другу образцом для подражания. Во многом все происходящее в этом рассказе выглядит как сознательная пародия на примеры, приведенные выше, и конечно, хорошо известные обоим героям; как некая игра в “святых подвижников”. Друг, первым покинувший столицу, подает другу весть о своем новом пристанище — пусть и сам того не желая, всего лишь допустив к себе посланца-разведчика, — а потом друг, оставшийся в столице, сообщает, что воспринял эту весть и прилежно последовал примеру друга. Оба отставных придворных при этом признают, что монашество для них — шаг вынужденный в пору междоусобиц; видимо, поэтому убранство “хижин” (несомненно, отделанных со всем изяществом) занимает их больше, чем тонкости буддийского учения. Всерьез идти по пути Будды ни тот, ни другой не собираются, да и не смогли бы, но относятся к своему монашескому положению иронически.

Под “горной долиной” подразумевается Чистая земля. В амидаистских текстах различаются девять разновидностей возрождения в раю будды Амиды в зависимости от того, какую жизнь подвижник вел на земле (три вида возрождения, каждый подразделяется на три разряда). Наиболее ревностным уготован высший разряд высшего возрождения. Вероятно, Нарие́ри говорит не только о чаемой благой посмертной участи, но и прежде того — о своей смерти: когда умру, не надо, подражая мне, тоже умирать. Тاداتика отвечает: как на службе, так и в делах спасения Нарие́ри стремится к высшим достижениям; впрочем, умирать нам обоим еще рано.

Рассказ 5–7 начинается с той истории, которая уже упоминалась во введении:

Бо-я и Цзы-ци были друзьями по гусям. Цзы-ци умер первым, и тогда Бо-я сказал:
— Кто теперь услышит и поймет звон моих гуслей?
Обрезал струны и больше уже их не натягивал.

“Друзьями по стихам” были знаменитые китайские поэты Бо Цзюй-и (772–846) и Юань Чжэнь (779–831): когда Юань Чжэнь умер, Бо Цзюй-и составил собрание его стихотворений. А еще одному другу Бо Цзюй-и писал:

Взаимные чувства с годами стали подобны золоту,
Даже яшма не сравнится с чистым и звонким звуком стихов!

О том, что Бо Цзюй-и в Японии был не просто самым популярным китайским поэтом, но и образцом дружеских чувств, пишет и П. Шэлоу [16, с. 14–16, 121 ff].

Когда люди дружат, то им не мешает, что один беден, а другой богат: так было с Жуань Цзи и Жуань Сянем, мудрецами из бам-

буковой роши. Однако вслед за этим составитель сборника вспоминает, как мать мудреца Мэн-цзы, пока он был ребенком, сменила три жилища, чтобы подобрать сыну подходящее окружение. После смерти мужа она вначале поселилась возле кладбища, но там мальчик подражал похоронщикам, и она перебралась в другой дом, возле рынка; там сын стал набираться дурных привычек от торговцев, и тогда мать нашла третий дом, возле школы, где наконец окружение оказалось для будущего мудреца благотворным. То же, видимо, относится и к выбору друзей: не нужно оставаться с теми, кто на тебя влияет не в лучшую сторону.

Вовсе обойтись без друга человеку никак нельзя. Как сказано в “Книге песен” (II—I–5) [13, с.130–131]:

Согласно стучит по деревьям топор,
И птичий исполнен согласия хор.
Вся стая, из темной долины взлетев,
Расселась в вершинах высоких дерев.

...

Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать,
Не к другу ль его устремляется взор?
И светлые духи, услышав о сем,
Даруют согласие, и гинет раздор.

Составитель сборника не цитирует эти стихи, а только упоминает — по первой строке. О том же говорили и мастера японской словесности. Если даже птице нужен друг, то людям и подавно:

Горный фазан кричит, видя себя в зеркале, дикие гуси летят, выстроившись в ряд... Это значит: им нужны друзья. В речном тумане голос птицы-ржанки звучит, должно быть, горько! На замерзающих волнах залива спит уточка-неразлучница без своей пары — печально ей, должно быть, качаться без опоры! Человек без друга — как утлая лодка в заливе Акаси. Если не с кем дружить, сердцу тесно, как на дороге в восточный край у переправы Восьми мостов...

Сказанное здесь отсылает к “Запискам у изголовья” Сэй-Сёнагон (отрывки 1 и 41, слова о гусях и о фазане), к знаменитым песням (о ржанке, утке, лодке см.: [8; 2, с. 134]) и к “Повестям из Исэ” (о том, как в дороге странник вспоминает любимую см.: [1, с. 46–47]).

После этого составитель сборника надолго вовсе отвлекается от темы дружбы. Он продолжает говорить о том, как выбрать себе подходящего человека, но уже на примерах супружеских союзов.

О супружестве издавна говорят: состариться вместе, лечь в одну могилу... Но обычный выбор друга с этим сравнить трудно. Когда ищешь жену, приходится выбирать по роду, ес-

ли женщина знатная. В других же случаях не надо ставить на первое место ни происхождение, ни внешность. Что нужно выбирать — так это сердце.

У китайского Луаня, князя Лян, княгиня Мэн Гуан на вид была чрезвычайно уродлива, но что касается пути преданности мужу — не было другого такого сердца. Когда супруг удалился от дел и поселился в горах, государыня последовала за ним, не презирала бедного его жилища и долгие годы, подавая ему еду, поднимала поднос выше бровей [то есть строго соблюдала придворные правила] — так глубоко было ее чувство к мужу! Поистине, будь она красива, как Си Ши или Нань И [знаменитые красавицы китайской древности], но если бы пренебрегала мужем, обратилась помыслами к другому, то стала бы, наоборот, врагом князю. И что с того пользы?

Выбрать жену проще, чем друга, потому что на это существуют законы. В рассказе 5—8 приведен список случаев, когда, по японскому законодательству VIII—IX веков, муж мог развестись с женой (если жена не ладит с его родителями, изменяет ему, упряма, ревнива, воровата, бесплодна, больна дурной болезнью). Если какие-то из этих семи пороков у женщины есть, то лучше с нею и не сближаться. “Кроме того, сказано: не может быть, чтобы только господин выбирал слугу, слуга тоже выбирает господина. Так и женщина тоже может выбрать себе мужа. <...> Господин Хасэо в “Песне о жене бедняка” наставлял: “Выбирая мужа, смотри на сердце, не смотри на людей”. Итак, женщине нужно быть осмотрительной!”.

Ки-но Хасэо (845—912) славился как знаток китайской книжности и поэт, его сравнивали с Бо Цзюй-и. Любопытно, что в японской словесности с ним самим связана история о чудесном (и неудачном) любовном союзе. В “Записках о Хасэо” (“*Хасэо-дзо:си*”, первоначальный вариант относится, видимо, к XIII веку) некий незнакомец приглашает поэта сыграть в “двойные шестерки” (*сугороку*) и говорит: ты поставь все свое имущество, а моя ставка — самая красивая женщина на свете. Хасэо выигрывает, хотя незнакомец и оказывается демоном, и забирает красавицу к себе. Демон предупреждает, что Хасэо должен выдержать сто дней, не прикасаясь к женщине. Герой терпит девяносто девять дней, но потом все же нарушает запрет, и красавица исчезает, обротившись в поток воды. Демон является поэту снова и объясняет: я создал эту женщину, собрав вместе самые красивые части тел множества умерших красавиц, и, если бы не твоя неумеренная похоть, через сто дней эта женщина бы ожила [14].

Следующие рассказы — это примеры неудачного выбора в любви, когда люди поддаются чувствам. Рассказ 5—9 восходит к “Повестям из Ямато” (“Ямато-моногатари”, X век, отрывок 155): дочь столичного чиновника бежала с любимым в горную глушь, но там однажды увидела свое отражение в колодце, усты-

Н. Трубникова
Истории
о дружбе
в японской
словесности

Сога Сёхаку
(1730–1781).
Четверо старцев
на горе Шан

дилась, какой она теперь стала, сложила прощальную песню для супруга — не мелкой ли была наша любовь? — и умерла. Бывало, что из-за любви к мужчине даже дева из государева рода, назначенная жрицей в святилище Исэ, забывала о своем служении; две такие любовные истории кончились несчастливо (рассказы 5–10 и 5–11). В тех же “Повестях из Ямато” (отрывок 103) гордая красавица ответила на ухаживания известного ветренника; тот, пусть и искренне влюбленный, в суете придворной жизни не успевал отвечать на ее письма, а она с горя постриглась в монахини (рассказ 5–12).

Счастливы те любовные союзы, где мужчину в женщине привлекает не красота и не знатность, а правильные помыслы. Так было с китайским Минь-ваном, правителем княжества Ци (VI–III вв. до н.э.). Его жена была дочерью простого крестьянина (рассказ 5–13):

Однажды на краю поля она собирала тутовые листья. Государь ехал на охоту, увидел ее — а она рвала листья тута и на государя со свитой даже не взглянула. Государь удивился и спросил: почему? А она отвечала:

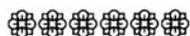
— Родители послали меня собирать тутовые листья. Смотреть на государев выезд они мне не наказывали.

Да это необычная девушка! — решил государь и позвал: едем со мною!

— Мне надо вернуться домой, спросить разрешения у родителей. Если отпустят, тогда поеду с тобой, — сказала она.

Вот такое удивительное сердце было у нее, и потому она, простолюдинка, стала государыней.

В истории Китая, конечно, тоже есть примеры, когда люди поддавались чувствам. Так, знаменитый поэт и музыкант Сыма Сян-жу (179–117 до н.э.), будучи молод и беден, пленил игрой на гусях дочь богатого господина, они поженились и несколько лет вместе бедствовали, но в итоге Сян-жу прославился, его стихи высоко оценил государь, и тесть сменил гнев на милость (рассказ 5–14; история взята из жизнеописания Сыма Сян-жу в “Исторических записках” Сыма Цяня). По словам рассказчи-

ка, осудить эту женщину трудно: быть может, она как раз разглядела в бедном юноше достойные помыслы.

Дальше говорится:

«В одной книге сказано: “Жена — равная”. Смысл таков: от Единственного человека [= государя] наверху до простолюдина внизу все таковы, что помыслы жены равны помыслам мужа. Когда же их сердца отворачиваются друг от друга, семья гибнет.

Поэтому в супружестве так: когда дела идут худо, увещевают друг друга, когда хорошо — вдохновляют друг друга; и тогда муж и жена в здешнем мире не утратят семейной добродетели, а в будущем веке станут друг для друга добрыми и знающими товарищами, побуждающими вступить на Путь».

Выражение “Жена — равная” (妻齊, яп. 妻は齊な, *цума-васай нари*) взято из словаря “Толкование имен” (釈名, кит. “*Ши мин*”, около 200 г.). “Добрые и знающие [товарищи]” — 善知識, *дзэнтисики*, понятие из буддийских текстов, обозначает тех, от кого человек узнает о буддийском учении, под чьим влиянием решается следовать пути Будды (часто в русских переводах — “благородные друзья”). В “Собрании песка и камней” (ср. выше) говорится, что близкие люди нередко выступают для человека такими товарищами, сами того не желая: доводят его до монашеского пострига своей глупостью, жестокостью или чем-то еще; в этом смысле чем хуже они себя ведут, тем лучше. Но в “Сборнике наставлений” речь идет все-таки о том, как хорошие супруги поддерживают друг друга в том числе и в делах буддийского благочестия.

Поддерживать любимого в его начинаниях можно по-разному, как и горевать о разлуке с ним. В рассказе 5–15 жена китайского богача Да-цзы оплакивает успехи мужа, предвидя, что за процветанием последуют крах и недобрая посмертная слава. “Мужчина, женатый на такой женщине, может без сомнения ей доверять!” — подытоживает составитель. А в рассказе 5–16 после кончины японского государя Сэйвы (850–878/880) его наложница, горя о нем, снова и снова пересматривает свою переписку с ним, всего больше ста писем. “Сжечь бы их, чтобы растаяли дымом в небе? Но нет, слишком жалко, да и не поможет... так мысли ее путались. И вот, она распорядилась: пусть из этих писем сделают новую бумагу и перепишут на ней наставления Великой и Малой колесниц для подношения в храм” (Об этой истории нередко вспоминают в наши дни как о первом примере вторичной переработки бумаги в Японии. См.: <http://www.washitales.com/>). Запись об этом благочестивом деянии составляет книжник и поэт Татибана-но Хироми (837–890). На недоуменные расспросы придворных — как можно было так поступить с письмами государя? — он отвечает стихами:

Клятва равных помыслов превратилась в стихи Цветка Лотоса,
Слова, нерушимые, как камень, вводят во врата знака ХАН.

Великая и Малая колесницы — хинаяна и махаяна, здесь, видимо, буддийские тексты вообще. “Цветок Лотоса” — “Лотосовая сутра”, одна из самых чтимых в Японии книг буддийского канона. Знак *ХАН* (鑲 , санскр. *ВАМ*) входит в заклатья-мантры, так что “врата *ХАН*” — это буддийские обряды.

Следующий пример (рассказ 5–17) в целом сводится к тому же: вдова государя Дайго (884–930) любила мужа и устраивала поминальные обряды, “ибо чувство ее к государю было глубоким даже вплоть до будущего века”. Но важно, как рассказчик приходит к этому итогу. В отличие от героев тех рассказов, с которых начинался этот раздел сборника, о своей посмертной судьбе государь Дайго сообщает не сам: ее хочет узнать монах-подвижник, и для этого затворяется в пещере и заручается помощью горных богов. В забытии, “то ли во сне, то ли наяву”, монах переносится в ад и находит там бывшего государя. Дайго объясняет, что совершил много грехов, но самый тяжкий — это то, как он обошелся с ученым и поэтом Сугавара-но Митидзанэ (845–903). Поверив клевете, государь Дайго усил Митидзанэ на остров Кюсю (будто бы на службу, на деле в ссылку), там поэт занемог и вскоре умер, а после смерти стал являться в Столице как “гневный дух”, насылая болезни и бедствия. Для его умиротворения проводилось множество обрядов, и в итоге Сугавара был обожествлен как бог столичного святилища Китано, покровитель ученых и учащихся, а также заступник несправедливо обвиненных [10]. История о муках Дайго в аду есть и в других источниках, например, в “Собрании песка и камней”, там она подтверждает, что закон воздаяния властен даже над государями. Эта мораль значима и для “Сборника наставлений”, но, на мой взгляд, здесь важно еще и другое: пусть государю и не обязательно было считать Митидзанэ учителем или другом, но вовсе не следовало обходиться с ним как с врагом.

Последний рассказ в этом разделе, 5–18, содержит еще несколько примеров из китайской и японской старины: государи вступали в “дурные связи” с женщинами — не всегда даже злодейками, а просто с чужими женами или красавицами, не подходящими на роль подруги правителя, — и в итоге гибли сами или навлекали беду на свои государства. А в заключение составитель сборника вспоминает царя Субхавьюху из “Лотосовой сутры” и самого Будду Шакьямуни. При всей разнице между ними (царь этот поначалу следовал ложным учениям) общее у них то, что у обоих были хорошие жены — и такая “благая связь” позволила обоим супружеским парам вместе пройти путь к спасению.

“Равные помыслы” 同心, *до:син*, в “Сборнике наставлений” — пожалуй, главное понятие для рассуждений как о дружбе, так и о любви. Это равенство предполагает различие: помыслы одного человека (или, если бы такое было возможно, двух одинаковых людей) и так по определению равны самим себе. Но коль скоро на уровне помыслов возможно равенство разных

людей, то дружбе не помеха ни различия между мужчиной и женщиной, ни разность в общественном положении двух мужчин. Разнообразие примеров в сборнике указывает еще и на то, что даже при примерно одинаковом соподчинении (правитель—подданный, учитель—ученик, муж—жена) отношения могут развиваться по-разному в зависимости от характеров людей, однако “равенство помыслов” так или иначе связывает их.

Литература

1. *Исэ-моногатари*. Перевод, статья и примечания Н.И. Конрада. М.: Наука, 1979.
2. *Камо-но Тёмэй*. Записки без названия. Беседы с Сётэцу. Перевод с японского, вступительные статьи и комментарии М.В. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2015.
3. *Кукэй (Кобо-дайси)*. Три учения указывают и направляют (Санго си-ики). Пер. со старояпонского, комм. и иссл. Н.Н. Трубниковой. М.: Издатель Савин С.А., 2005.
4. *Мещеряков А.Н.* Статья японцем. М.: Эксмо, 2012.
5. *Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы*. Перевод Л.Д. Позднеевой. СПб.: Петербург — ХХХ век; ООО “Лань”, 1994.
6. *Мэн-цзы*. Предисловие Л.Н. Меньшикова, перевод с китайского, указатели В.С. Колоколова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
7. Сказание о Ёсисуэнэ. Перевод со старояпонского А. Стругацкого под ред. В. Сановича. М.: Худ. лит., 1984.
8. *Торопыгина М.В.* Стихотворение высшей пробы “Бухта Акаси” / Япония. Ежегодник. № 41 (2012). С. 282–292.
9. *Трубникова Н.Н.* Монахи-проповедники в Японии XIII века (по “Собранию песка и камней”) // Человек. 2014. № 4. С. 97–122.
10. *Федянина В.А.* Покровитель словесности и воплощение бодхисаттвы. Сугавара Митидзанэ и ранняя история культа Тэндзин (IX–XII вв.). М.: КРУГЪ, 2014.
11. *Феоктистов В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. М., 1976.
12. Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия. Составление, введение, перевод с древнеяпонского и комментарии М.В. Грачева / *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Выпуск XXIV. М.: РГГУ, 2009.
13. *Шицзин*. Книга песен и гимнов. Перевод с китайского А. Штукина. М.: Худ. лит., 1987.
14. Дзиккинсе. Под ред. Асами Кадзухико / Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан, 1997.
15. *Reider Noriko T.* Haseo sōshi: A Medieval Scholar’s Muse // *Japanese Studies*. Vol. 35, 2015.
16. *Schalow P.G.* A Poetics of Courtly Male Friendship in Heian Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007.